

УДК 334.713(470)“19/20”

Зозуля О.А.

*Московский государственный открытый университет
им. В.С. Черномырдина*

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ
ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ В УСЛОВИЯХ
РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ НАЧАЛА XX В.**

O. Zozulya

Moscow State Open University

**THE LEGAL FRAMEWORK OF INDUSTRIAL CONVENTIONAL FORMS
IN RUSSIA UNDER MARKET MODERNIZATION IN THE EARLY 20TH CENTURY**

Аннотация. Статья рассматривает исторический аспект создания правовой базы регулирования деятельности мелкого производства. Традиционные формы организации общественного хозяйства под влиянием процессов, связанных с переходом от традиционного к индустриальному обществу, изменяли свое качество, вытеснялись из экономики, трансформировались, обостряя социальные противоречия в обществе. На примере утверждения устава трудовой артели и анализа его содержания автор показал, как на рубеже XIX-XX вв. определялись правовые формы и экономические институты, адекватно отвечающие потребностям российского модернизационного процесса.

Ключевые слова: артели, уставы, обычное право, кустарные промыслы, круговая порука, многоукладная экономика, модернизация.

Abstract. From historical perspective the article considers the process of creating a legal framework for petty industry's activity. Influenced by the metamorphoses related to the society's transition from traditional to industrial stage conventional forms of the national economy changed their quality, became either obsolete or transformed, thus escalating social contradictions. By example of artel charter adoption the author shows how at the turn of the 20th century the legal norms and economic institutions were formed to respond adequately to the needs of the Russian modernization process.

Key words: artels, charters, customary law, cottage industries, mutual guarantee, mixed economy, modernization.

В период формирования рыночной экономики России на рубеже XIX-XX вв. роль и значение законодательного регулирования деятельности различных хозяйствующих субъектов приобретала особое значение. Развитие рыночных отношений требовало формирования адекватной правовой базы, определяющей условия эффективного функционирования экономического механизма и смягчающей противоречивый процесс трансформации и инкорпорации традиционных структур в реальность нового миропорядка. История принятия устава трудовых артелей в начале XX в. стала наглядным примером стремления государственных органов Российской империи выработать компромиссные решения, удовлетворяющие интересы субъектов формирующихся рыночных отношений.

Правительство, заинтересованное в сохранении за страной статуса мировой державы, объективно определяло содержание и темпы проведения индустриализации, уделяя особое внимание развитию капиталоемких отраслей экономики, таких, как строительство железных дорог и тяжелая промышленность. Трудности определения экономической политики обуславливались попыткой решить непростую задачу закрепления новых форм организации производства в стране с долго сохранявшимися патриархальными традициями, составлявшими контекст развития всего общественного хозяйства. Вместе с тем перенесение передовых форм экономической организации на национальную почву порождало острей-

---

© Зозуля О.А., 2012.

шую проблему адаптации широких слоев населения к новым условиям революционного слома привычного уклада жизни. Традиционные формы организации общественного хозяйства под влиянием модернизационных процессов изменяли свое качество, вытеснялись из экономики, трансформировались, ускоряя болезненные процессы пауперизации населения и обостряя социальные противоречия в обществе. Стремясь смягчить трудности, возникающие в условиях перехода к рыночному хозяйству, правительство пыталось лавировать, с одной стороны, гарантируя своей поддержкой форсированную индустриализацию, с другой стороны, не выпуская из поля зрения интересы основной массы носителей традиционных отношений, старалось учитывать народные обычаи, традиции трудовой демократии и самоуправления. Транзитное состояние экономики нашло наглядное отражение в законодательстве начала XX в. и сказалось на процессе правового регулирования деятельности мелких товаропроизводителей и их объединений.

В сфере мелкого производства в России издавна существовала традиционная форма ассоциации труда, распространенная как среди городского, так и крестьянского населения, получившая в русском быту название артели. История артелей и артельного производства стала достоянием исторического поиска во многом и благодаря обращению к кооперативной тематике, однако вопросы, связанные с развитием национального юридического сознания и правилами, сложившимися в отношениях между артельщиками, недостаточно освещались в этих работах. К исключению можно отнести монографию экономиста, статистика и социолога А.А. Исаева, изданную в 1881 г. в Ярославле [2]. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что слабое знание специфических обычаев, сохранявшихся в артелях на протяжении долгого времени, часто приводило к провалу благородных попыток передовых земских и общественных деятелей по объединению, например, крестьян в коопера-

тивные организации с целью выхода из болезненного пореформенного состояния.

Анализ дискуссии о значении феномена артели в прошлом, настоящем и будущем русского народа, развернувшейся в конце XIX в. в России, и материалы, собранные по заказу Комитетов о сельских, ссудо-сберегательных и промышленных товариществах, показал, что объединения и кооперация мелких товаропроизводителей сложилась в России прежде, чем капиталистические отношения стали преобладающими в ее хозяйственном механизме, и гораздо раньше, чем в европейских странах [5, 1]. Вместе с тем к началу XX в. отсутствовал правовой механизм, регулирующий юридическое положение артели. Анализируя законодательство по рассматриваемому предмету, русский экономист и историк народного хозяйства И.М. Кулишер обращал внимание на тот факт, что законодательство регулировало только те отношения, где интересы артелей входили «в столкновение с другими лицами или учреждениями, ибо сами артели в их внутренней жизни не нуждались в законодательной регламентации: эти стороны артельной жизни регулировались обычным правом» [4, 222].

И хотя недостаток правового материала, по мнению правительствующих кругов, компенсировался отсутствием стесняющих развитие артели рамок, и «артель, не замкнутая в пределах писаного права и не стесненная его предписаниями, могла свободно развиваться, вырабатывая такие формы, которые наиболее отвечали народному быту и действительным потребностям жизни» [1, 5], тем не менее, вопрос о создании правовой базы функционирования артели был поставлен на повестку дня.

Слово артель, писал отечественный юрист В.Я. Максимов, традиционно производят от татарского *артак* – товарищ, и означает товарищество [5, II]. В словаре Брокгауза и Ефрона можно найти следующее определение артели: «слово восточного происхождения, от тюркского слова *орта* — община, середина, ... у нас – оно впервые появляется лишь в актах второй половины XVII столе-

тия, заменяя собою другое, тоже восточного корня, раньше распространенное слово – ва-тага. Значение этого слова в народной речи весьма сбивчиво по растяжимости понятия артели; народ приравнивает его вообще ко всем тем случаям, когда приходится действовать не одному человеку, а нескольким, соединившимся для достижения какой-либо цели” [14, 184].

Устав торговый в ст. 79 определял артели как “общество работников по добровольному между собой условно, составленный, для отправления служб, работ или промыслов, силам одного человека не соразмерным” [11, 972]. Таким образом, союзы, которые в дореволюционной России независимо от вида владения складывались ради определенной хозяйственной или промышленной цели как особая форма организации труда и как особое явление в области обязательств, традиционно носили названия артелей (артельных товариществ).

К началу 80-х гг. XIX в. насчитывалось около 60 отраслей деятельности, знакомых с артельным началом [2, 286]. Обширное развитие артельных товариществ, а существовали разнообразные артели, вплоть до союзов нищих и конокрадов, и особое распространение их в быту сельскохозяйственного населения привлекало внимание исследователей к изучению артели как самостоятельной формы хозяйствования и особой формы юридических отношений.

Широкое применение коллективных форм организации труда, уходящих корнями в глубокую древность, питало убеждение “почвенников” об особом коллективистском духе русского народа. На самом деле основными факторами, иницирующими коллективизм, были суровые естественные условия жизни и хозяйствования, обширные просторы страны, консервирующие традиционные общественные формы организации быта и трудового процесса. Втягивание хозяйств мелких производителей в товарные отношения, особенно активно проявлявшееся со второй половины XIX столетия, обнаружило другую экономическую реалию – коопе-

рацию товаропроизводителей, являющуюся продуктом модернизации хозяйства мелких собственников. Параллельно с этим ряд организационных форм, основанных на коллективистских началах, пополнили кооперативы, иницированные усилиями энтузиастов народнического толка, видевших в них идеал устройства человеческого общежития и альтернативу капитализму, несшему большей части населения нужду и разорение. Неразрешенность вопроса о сущностной, содержательной составляющей самобытной российской ассоциации работников, значительное их отличие от кооперативных организаций, оформившихся в западных странах, вызывало споры и расхождения мнений не только у экономистов, но и среди юристов, разрабатывающих артельное законодательство, что нашло отражение при обсуждении вопроса об образцовом уставе трудовой артели.

Первый подробный обзор артелей и подборка ряда артельных уставов были сделаны Н. Калачовым в 1864 г. в книге “Артели древней и нынешней России”, что позволило ему рассмотреть три важных проблемы: раскрыть историю развития артелей, показать современное для автора положение артелей и остановиться на состоянии законодательной базы, касающейся союзов “простолудинов” [3, 1-2]. Несколько позже, в труде об особенностях юридического быта русского народа, изданном в 1879 г., известный исследователь обычного права С.В. Пахман впервые комплексно проанализировал нормы обычного гражданского права в России и предложил оригинальную систематизацию артелей по юридическим основаниям.

Исследователи в XIX в. выделяли две группы артелей: полные и неполные, в соответствии со степенью участия членов своими средствами и силами в деятельности ассоциаций. В союзах первого типа преобладало полное артельное начало и члены данных организаций участвовали не только личными силами, но и имущественными средствами, чаще всего в равных долях, и в таком случае и артельный капитал составлял полное общее достояние всех членов. К артелям вто-

рого типа, а это чаще всего были промысловые артели, относились организации, где члены участвовали только личным трудом, а капитал вносился либо одним артельщиком, либо даже лицом, не входящим в состав артели. С.В. Пахман подверг критике подобную классификацию, обратив внимание на то, что если стороннее лицо вносило в дело артели свой капитал, то возникал обычный договор займа или найма с третьим лицом, а сделка в виде «покруты» по сути не меняла ни юридического ни хозяйственного характера артели [7, 212].

Классификация коллективных товариществ во многом зависела от критерия, положенного в его основу. Если, например, в основу систематизации коллективных сообществ был положен признак цели, преследуемой артелью, то в этом случае все многообразие артелей сводилось к четырем группам: 1) артели трудовые или промышленные, главной целью которых является создание новых благ или ценностей; 2) потребительские, конечной целью которых является потребление благ; 3) кредитные, обусловленные необходимостью получения недостающего количества средств, под условием их возвращения в будущем; 4) страховые, целью которых стало естественное стремление человека охранить себя и свою семью от нужды и бедствий, которые могли возникать.

Иначе систематизировал артели С.В. Пахман. Ему удалось выделить различные виды артелей, исходя из правовых оснований, и показать условия их возникновения, исследовать вопросы, связанные с личным составом, имуществом артелей, правами и обязанностями их членов, а также выделить специфику организации данных объединений, отношения артелей с внешним миром и т. д.

Ученый обратил внимание, что общее понятие «артель» не имело ясных очертаний и не определяло ни одну конкретную юридическую организацию. Создавались артели как предприятия промышленные, и в этом плане они отличались от объединений сельскохозяйственного типа, хотя между ними и существовала генетическая связь. Несмотря

на различия в видах деятельности артелей, всем им были свойственны общие институциональные признаки: совместный труд, равные расходы, равные прибыли и круговая порука.

Определение артели С.В. Пахман выразил через юридическую дефиницию. «Под артелью, – писал он, – говоря вообще, можно подразумевать такой юридический союз, в котором несколько лиц соединяют свои личные, а иногда и имущественные средства, с целью извлечения из данного предприятия общей прибыли» [7, 209]. Поэтому он говорил о том, что целесообразнее выделить артели с традиционным юридическим равенством ее членов, то есть первоначальные формы артелей, и более поздние формы, где отношения равенства были ослаблены главенством хозяев-предпринимателей.

Обращая внимание на то, что со второй половине XIX в. в России получило распространение деление артелей на производительные, потребительные и кредитные (ссудо-сберегательные), ученый замечал, что вопреки идеалистическим представлениям о крестьянской природной артельности, в деревнях кооперативы «не привились еще к обычному строю народного быта». Например, потребительские ассоциации, считал он, еще долго оставались трансцендентными сельскому образу жизни, хотя и встречались нередко так называемые «харчевые» артели. Исследователь обращал внимание на то, что научное определение всякого рода товарищества или ассоциации, требует понимание того, что не всякое товарищество, основанное на начале взаимной выгоды, может быть отнесено к разряду артелей [7, 211].

Вопросы систематизации артелей продолжали сохранять актуальность и в начале XX в., особенно в период разработки кооперативного законодательства. И.М. Кулишер, составляя для Министерства торговли и промышленности предварительный обзор истории отечественного и западноевропейского кооперативного законодательства, выступил с критическими замечаниями по поводу соединения в понятии «трудовая артель»

объединений, выполняющие определенные работы, с ассоциациями, производящими товары на рынок на свой страх и риск. Он обратил внимание на то, что в России первоначально под артелью признавались объединения, где деятельность членов заключалась преимущественно в услугах, а не в изготовлении готовых продуктов, и где капитал в виде основных фондов (орудий производства) не играл решающей роли. Он считал, что эти самобытно возникшие у нас артели, в видовом отношении принципиально отличались от производственных товариществ (кустарных, ремесленных и отчасти сельскохозяйственных). Последние он обозначил термином “промысловые товарищества”, которые создавались как “заимствованные с Запада” в условиях, когда прилив крупных капиталов и рост крупных предприятий сделал промышленную деятельность мелких предприятий во многих случаях “возможной лишь в форме кооперативных товариществ” [4, 220-221].

Таким образом, обращаясь к истории возникновения артелей на Руси, большинство авторов и исследователей народных форм хозяйствования отмечали, что они создавались различными путями: либо являлись итогом инстинктивного стремления крестьян к объединению в трудовую ассоциацию, либо возникали в результате деятельности волостного начальства по объединению крестьян с целью обеспечения заработка членам артели и выплаты податных платежей, распределяемых на ее членов [6, 180], либо были итогом деятельности энтузиастов, стремившихся к закреплению в России альтернативной капитализму организационной формы.

Поскольку артельное начало было привычно природе русского человека, трудовая деятельность которого проходила в крайне суровых условиях, так как только совместными усилиями можно было решать многие задачи (например, поддержание дорог, сооружение мостов и т. д.), часто артель возникала как бы внезапно, без предварительной договоренности и сложных формальностей.

Вне зависимости от продолжительности функционирования артели и отсутствия

предварительной договоренности, артельные договоры по большей части заключались устно, а вербальный договор мог сопровождаться определенными обрядами. Характерны в этом отношении обряды, имевшие место в северных районах при создании рыболовецких артелей. Сохранилось описание заключения артельного договора в Холмогорской губернии: “Артели для ловли семги, по обычаю, составляются в конце зимы, именно, в течение четырех последних дней сырной недели, с четверга до конца масленицы. Желающие составить артель, в один из этих дней, собираются в дом старшего из товарищей, и там заключается условие. Уговариваются сколько каждый товарищ должен приготовить сетей и каких, сколько веревок; условливаются также насчет карбаса – следует ли купить карбас или взять у кого-нибудь в аренду и сколько заплатить арендной платы и т. д. Договор скрепляется тем, что все “паевщики” садятся одновременно на лавку, потом, крестьясь, встают, молятся вместе и подают друг другу правые руки: этим скрепляется условие. Затем еще договариваются насчет того, чтоб “сделать начало – связать узлы”, т. е. устроить общее угощение; каждый вносит по рублю или более, смотря по условию, покупают водку, готовят закуски и сообща провожают масленицу”. В других случаях заключение артельного договора скреплялось обыкновенно молитвой и крестоцелованием. Коллективные сделки по традиции предполагали застолье и выпивку и тем самым, по мнению артельщиков, “скрепляется условие” [9, 105].

Артельные договоры, особенно в более поздний период – в начале XX в., стали все чаще носить письменную форму, а в идеальных случаях – формализоваться в уставах. Условия открытия артелей в России достаточно подробно освещались в работах А.А. Исаева, И.О. Прокоповича. До отмены крепостного права существовали бытовые артели или общества, разрешенные царской властью. После 1861 г. был введен разрешительный порядок открытия артелей и кооперативов. В своем развитии он прошел

несколько этапов. На первом этапе – до 1897 г., учреждение товариществ считалось делом государственной важности и относилось к прерогативе центральной власти, позже, и особенно после принятия в 1902 г. Устава об артелях трудовых и биржевых, это право в ст. 2198⁵ было закреплено за местными губернскими властями [10, 162].

Подобное решение имело далеко идущие последствия. Местная власть крайне сдержанно, а чаще и откровенно отрицательно относилась к созданию различного вида союзов, рассматривая кооперативы, а подчас и бытовые артели, как источник политической нестабильности. Предвзятое отношение волостных учреждений часто фактически играло на руку ростовщикам, скупщикам, раздатчикам и комиссионерам, державшим в своих руках население целых селений, занятых промыслами. Пример нечистоплотной борьбы скупщиков с создаваемыми объединениями приводит А. Субботин после поездки по районам распространения промышленной деятельности сельского населения. Он описывает историю создания и уничтожения в селе Павлово складочного товарищества ножевщиков.

В 1873 г. было создано товарищество, во главе которого стоял уроженец села – технолог Зернов. Но уже через год он был вынужден уйти из артели. Организация начала успешно работать, что испугало скупщиков, обнаруживших реального и опасного конкурента в лице кооператива. Скупщики составили донос о политической неблагонадежности технолога, на основании которого Зернова обвинили в том, что он занимался якобы не только кооперативными, но и политическими делами. В конце концов технологу пришлось оставить родное село. Члены артели не смогли договориться между собой, начались распри, преодолеть разногласия не удалось, и артель распалась. Так скупщики избавились от конкурента и уничтожили “злокачественную артель” [13, 31].

Однако несмотря на преграды, возникающие на пути учреждения артелей, принятие закона о трудовых артелях объективно упро-

щало процесс создания ассоциаций мелких производителей, о чем свидетельствовали статистические данные. В годы Первой мировой войны процесс этот набрал более высокие темпы.

Ряд артелей образовался благодаря инициативе государственных учреждений – как, например, горнозаводские артели старателей, или по почину местных органов, например, сельского схода. Примером последних являлись сыроваренные артели Ярославской губернии. Способ их образования выглядел следующим образом: прежде всего составлялся приговор местного сельского общества, который содержал пожелание общества открыть у себя сыроварню; на основании его, средствами земских управ или частных лиц, производится постройка самого здания сыроварни по условленной цене. По окончании постройки лица, подписавшие приговор, должны были принять из рук строителя здание сыроварни и выдать ему относительно этого особый приговор. Весь затраченный капитал обеспечивался, таким образом, этими приговорами, с одной стороны, и имуществом подписантов – с другой. Они же являлись и первыми членами вновь образованной сыроварной артели, и за ними закреплялось право приглашать других крестьян участвовать в сыроварне доставкой молока [9, 158].

Традиционно артель обязывалась перед третьими лицами как единое целое; обладала известными правами, имела свое имущество, управлялась особыми органами, имела представителей, отвечала за своих членов, и не переставала существовать при перемене личного состава. Она не являлась юридическим лицом, и не была корпорацией, хотя ей и были свойственны признаки последней. В юридическом смысле, отмечал позже юрист В.Я. Максимов, “артельное устройство играет ту же основу как всякое товарищество; но в сущности, между артелью и товариществом существует громадная разница. Понятие об артели несравненно шире понятия о товариществе” [5, II]. Принципиальное отличие артели и от договора товарищества и от

акционерного товарищества заключалось в том, что здесь непереносимым условием вхождения в артель являлось личное участие, личная деятельность ее членов, а длительная неспособность к продолжению работы могла повлечь за собой исключение из артели. Поэтому артель, как союз, основанный на личной деятельности членов, юристы считала возможным называть “товариществом труда” [7, 209]. В отношениях со сторонними лицами артель выступала как представитель всех своих членов, которые часто были связаны круговой порукой.

Отечественное законодательство до начала XX в. мало уделяло внимание артельным формам объединений работников. Пришедшие из традиционного общества артели, основанные на обычаях, вступали в противоречие с позитивным правом, отражающим формирующийся рациональный порядок.

Неопределенность правового положения порождала коллизии, которые необходимо было разрешать на законодательном уровне. Об этом свидетельствовали примеры, приводимые юристом-либералом И.В. Гессеном. К примеру, артель при найме на работу за определенную плату могла из-за роста рыночных цен впоследствии требовать увеличения этой платы, а при получении отказа – оставить работу. Рассматривая подобный прецедент гражданско-правового характера, ученый писал, что все трое рабочих, которые отказались от выполнения невыгодного заказа, были обвинены в прекращении работы по стачке в соответствии со ст. 1358¹ “Уложения о наказаниях уголовных и исправительных” [12, 144]. Виновными их признал как окружной суд, так и судебная палата, хотя рабочие фактически выступали от имени артели, то есть юридического лица, и, соответственно, в суде при рассмотрении данного конфликта должны были быть применены нормы права, имеющие отношения к нарушению договора юридическим лицом [1, 6]. Таким образом, отсутствие юридических гарантий лишало артельщиков правовой защиты и ставило его в невыгодное положение и на рынке товаров, и на рынке труда.

Широкое распространение артельной формы и законодательная неурегулированность, прежде всего, отношений артели с третьими лицами, например, при выполнении заказов, полученных со стороны, вынудила правительство обратиться к вопросу подготовки и принятия нового закона, который регламентировал бы положение организаций в хозяйственной жизни страны.

Новый Устав трудовой артели фактически разрабатывался в двух структурах: в Комиссии по подготовке нового гражданского уложения и в Особом совещании при департаменте торговли и мануфактур министерства финансов, что свидетельствовало о заинтересованности правительственных кругов и общественности в урегулировании данной проблемы. Проект подвергся неоднократной переработке и обсуждению в печати и в 1902 г. стал законом, причем значительно раньше других гражданских законопроектов, внесенных на обсуждение в Государственный совет.

При разработке вопроса необходимо было решить задачи, связанные с определением содержания понятия «артель» и систематизацией многообразия артелей. На практике при образовании сложилось две категории артелей. Одни объединения создавались на основании уставов, другие – на основании существующих постановлений о договорах. Не закрывая договорной путь образования артелей, закон регламентировал организацию более сложных артелей, учреждаемых на продолжительное время и действующих с правом юридического лица на основании утвержденных уставов. Законодатель постарался отделить, как ему представлялось, чисто кооперативные товарищества, где действия его членов, не уполномоченных на представительство, обязательств для общества не создавали (кредитные, ссудо-сберегательные, потребительские и т. д.), от производственных, связанных круговой порукой, то есть несущих ответственность за деятельность своих членов, если только они не выходили из круга деятельности артелей. Новый закон в понятие “производственная артель” объеди-

нил и товарищества, целью создания которых являлось исполнение всякого рода работ личным трудом членов, и объединения для всестороннего содействия промыслу, то есть кустарные, ремесленные, земледельческие. В законе было дано исчерпывающее определение трудовой ассоциации: «Артелью трудовой признается товарищество, образовавшееся для производства определенных работ или промыслов, а также для отправления служб и должностей, личным трудом участников, за общий счет и с круговой их порукою», которое в соответствии со ст. 2198¹ [10, 161] не предполагало, как отмечал, комментируя этот закон либеральный юрист И.В. Гессен, расширительного толкования и «под него не должны быть подводимы товарищеские организации, имеющие целью содействовать кредиту или хозяйству своих членов (товарищества сырьевые, магазинные, потребительские и т.п.)» [1, 7]. Приводимая статья определяла существенные признаки трудовой артели, к которым относились: 1) личный труд членов; 2) за общий их счет; 3) под круговой их ответственностью. Первый признак обуславливал особое юридическое значение личности каждого участника артели. Каждый член артели должен был обязательно участвовать личным трудом в работах артели. Право на участие не могло быть отчуждено (передано) другому лицу без согласия на то артели, а также не переходило после смерти участника в его детям автоматически, в подобном случае на них распространялись условия принятия членов и порядок выбытия и исключения их из артели.

Вторым существенным признаком артели являлось производство работы за общий счет, что указывало на обязательное требование внесения одинаковых членских взносов.

И последний признак заключался в том, какую ответственность несли члены артели перед третьими лицами. Речь шла о круговой поруке, которая не всеми юристами, экономистами и историками трактовалась однозначно [1, 11]. И.В. Гессен особо отмечает как явно положительный момент не только закрепление положения о круговой пору-

ке как существенный признак артели, но и закрепление впервые в законе столь часто встречающегося понятия. Артель отвечала за своих членов и за всех нанятых лиц всем своим имуществом, причем ответственность не ограничивалась только недозволенными действиями, артель отвечала также за убытки, которые могли стать результатом отсутствия у артельщика сведений, необходимых для исполнения работы, или по его неосторожности.

В случае недостатка имущества артели члены артели отвечали всем своим имуществом, движимым и недвижимым, «неограниченно» или в пределах, указанных в уставе артели, поровну. Все недополученное при распределении с одного или нескольких членов, могло быть разверстано между остальными членами артели; при этом члены артели, уплатившие за других членов, получали право, что следует из ст. 2198¹⁸-2198²⁰, реверсного иска [10, 163].

В законе в ст. 2198⁴ определялись вопросы, которые должны были найти отражение в уставах, подписанных учредителями в числе не менее пяти. В уставе должны были быть указаны: наименование, цели, место деятельности артели, условия принятия членов, учеников, пределы применения наемного труда, форма и размер ответственности членов, порядок образования и расходования артельного капитала, порядок внесения членских взносов, порядок управления делами артели и ее руководящие органы, формы отчетности, порядок ликвидации артели и т. д. [10, 162]. Безусловно, важным являлась положение о том, как должны развиваться события в связи с отказом местных властей регистрировать объединение. В этом случае согласно закону (ст. 2198⁵) губернатор, «встретивший препятствие к утверждению устава», предоставлял сведения об этом в течение одного месяца со времени получения устава министру торговли и промышленности, который разрешал возникшее сомнение по соглашению с подлежащими ведомствами [10, 162].

Было бы неверно идеализировать отношение властей к артелям. В законе в ст.

2198²⁷ содержалась норма явно полицейского характера, позволяющая губернатору фактически закрывать артель, в случае если “действия артели окажутся несогласными с уставом или противоречат существующим законам” [10, 163].

Таким образом, закон об артелях 1902 г. исходил из традиционных начал артельной жизни и санкционировал результаты многолетней практики русских артелей. Принятие закона о трудовых артелях укрепляло правовую базу ассоциаций, обеспечивая, с одной стороны, гарантии для сохранения и упрочения традиций и ценностей, накопленных в сфере мелкого производства, а с другой, создавая благоприятные условия для наиболее креативных объединений, упорядочивая взаимоотношения членов товариществ и местной власти не только на этапе регистрации, но и при получении кредита, приобретении сырья для выполнения казенных и частных заказов, сбыта произведенного товара в пределах локальных рынков.

Анализ законодательной деятельности в отношении артелей вносит значительные коррективы в наши представления о нежелании правительства урегулировать правоотношения, возникавшие в деятельности объединений мелких товаропроизводителей. Принятие уставов трудовой артели безусловно способствовало укреплению правомочности субъектов при заключении сделок.

В рассматриваемый период в российском законодательстве начала складываться нормативно-правовая база, обеспечивающая правовую защиту артелей как особой организационно-правовой формы. Разработка законодательства об артелях наглядно демонстрировала объективно назревшую

необходимость принятия правовых норм, учитывающих традиции и особенности отечественной экономики и, в то же время, обеспечивающие формирование единого правового пространства в целях решения задач модернизации страны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гессен И.В. Артели. Закон 1 июня и действующие образцовые уставы. СПб.: тип. С.-Петербургского акционер. общества “Слово”, 1902. 76 с.
2. Исаев А.А. Артели в России. Ярославль: тип. Губ. правл., 1881. 366 с.
3. Калачев Н. Артели в древней и нынешней России. СПб.: тип. В. Головина, 1864. 66 с.
4. Кулишер И.М. Обзор русского и иностранного законодательства о кооперативных товариществах. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1906. 346 с.
5. Максимов В.Я. Артели биржевые и трудовые с разъяснениями Правительствующего сената и приложением. М.: Тип. С. П. Семенова, 1907. 150 с.
6. Оршанский. Народный суд и народное право// Журнал гражданского и уголовного права. 1875. Кн. 4. С. 140-223.
7. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. М.: Зерцало-М, 2003. 700 с.
8. Сборник материалов об артелях в России. Вып. I. СПб.: тип. Майкова, 1873. 205 с.
9. Сборник материалов об артелях в России. Вып. II. СПб.: тип. Майкова, 1874. 259 с.
10. Свод Законов Российской империи. Т.Х. СПб.: Русское книжное тов. «Деятель», 1912. 385 с.
11. Свод Законов Российской империи. Т. XI. Ч. I. СПб.: Русское книжное тов. «Деятель», 1912. 178 с.
12. Свод Законов Российской империи. Т. XV. СПб.: Русское книжное тов. «Деятель», 1912. 262 с.
13. Субботин А. Поездка по кустарным промыслам и кустарные артели. СПб.: Изд. ред. “Экономического журнала”, 1893. 74 с.
14. Энциклопедический словарь. / Изд. Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. Т. 2 (3). СПб.: Тип. И.А. Эфрона, 1899. 478 с.